ГАОУ ТО «Гимназия российской культуры»

Июнь 2022

Литературный альманах

На крыльях ветра

Произведения победителей

X городского конкурса детского и юношеского творчества

«Гришинские проталины»

Бочкарева Ника, 8Б класс

Символ любви
(Отрывок из повести)

И разливаются по камню
нежные, изящные по своей
природе нити - волокна любви.
Сверкают, искрятся на свету,
словно яркой звёздочкой пылающие
чувства в томном юном сердце.

Глава 1
Скука

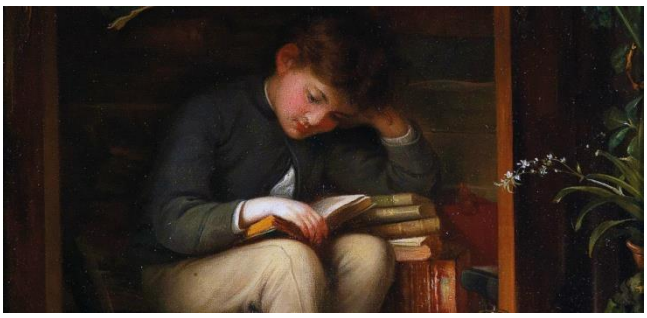
Каждый, кто хоть как-нибудь интересуется минеральными ресурсами нашей планеты, скорей всего слышал о розовом кварце. Ведь каждый, так ведь?

По крайней мере, именно так думал Антон. Думал. Пока не переехал в эту «чёрную дыру средь бела дня».

Ему уже надоело пребывать в тревожном бездействии, валяясь на кровати, закинув ногу на ногу, а заняться то здесь особо и нечем: интернет не ловит, а если и загрузилось что-то на «Нокии», считай Бог сжалился над тобой и услышал твои молитвы, а все книжки, лежащие дома, Антон уже давно перечитал, некоторые уже знал почти наизусть.

А почему всё-таки это бездействие было тревожным? «Не по его натуре это, бездельничать», - отзывался он на частые расспросы о его «странном», по мнению лентяев, поведению. Осточертели они ему уже своим чрезмерным интересом, ну правда, как экспонат в музее увидели, а не обычного, среднестатистического Антона из города.

Хотя, если подумать, он и, правда, отличался от жителей деревушки на окраине таёжного леса. Не вглядываясь можно было заметить различия между соседским хулиганом Сашкой, постоянно перепачканным в земле и бензине, и Антоном - мальчиком опрятным, выглаженным, вылизанным с ног до головы. К тому же пшеничные волосы и большие синие, даже глубокие, как океан глаза придавали ему ещё больший ангельский



образ «правильного» мальчика. И где этого Сашку только чёрт носил? Но Антон таких вопросов не задавал, неприлично это. Вот и ещё отличие: не только внешне, но и внутренне Антон отличался от деревенских ребят. Спокойствие, тактичность- всё это про него!

Ну, а что? Посёлок небольшой, вот каждый всех местных и знает, если не по имени и отчеству, то в лицо так точно. И разговаривают друг с другом все открытой, нахальной манерой, лишённой этого «городского лицемерия». Чего бы и не поспрашивать-то? Интересно же! Не каждый день в глухую деревню «чужие» приезжают, да ещё и из города.

И даже, если Антон со всеми этими новыми правилами всё-таки согласен не был, то окружающих это как-то особо не волновало. Ну а что с них? Всю жизнь так живут, а тут вдруг поменяют свои привычки и обычаи ради какого-то Антона? Ну уж нет.

Так и не понимали они эту целеустремлённость и рвение к чему-то новому. Ладно бы не понимали, но дразнить «ботаном», «лупоглазом» и «заучкой» то зачем? Вот что действительно обидно.

А Антон, между прочим, и не особо-то горел желанием поучать их, отвечал на «отвяжись». И сам по себе он человек не контактный, а тут ещё столько внимания к его скромной персоне, с непривычки вообще впал с астральный ступор и не знал, как на это реагировать и что отвечать.

- Да ну их всех, - подумал он, хотя вслух никогда не кидал подобных фраз.

Он хоть и понимал, что они всё это не со зла, не чтобы обидеть - просто принято здесь так, но неприязнь всё равно не уходила. Раздражали они его. А ведь завтра у него волнительное событие намечается: первый день в новой школе! И если все окажутся такими же далёкими от науки, как его «умники-соседи», то он, кажется, совсем разочаруется в этих переменах его жизни.

Не столько скука, сколько резкая боль в спине от недостатка физической активности вырвала Антона из размышлений, заставив с предельной аккуратностью встать с уютной кровати и лениво потянуться. Он поёжился, после чего побрёл к полке со стопками тех самых истрёпанных книг, которые чудом сохранились с дедовских времён и были перечитаны Антоном уже невесть сколько раз.

Книги освещались уже уходящими, но пока всё ещё яркими, золотистыми лучами солнечного света. Проведя указательным пальцем по плотным обложкам некоторых, непримечательных глазу, книг с тёмными обложками, он поднял каждую по очереди. Но, не обнаружив ничего нового, с досадой уже было хотел бухнуться в кровать, как его вдруг посетила одна интересная мысль.

«Кладовка…», - ветром пронеслось в голове, и Антон поплёлся всё так же медленно к кладовой, расположенной под лестницей на первом этаже.
Вообще-то, его оттуда всегда гнала мать чуть ли не с метлой, по непонятным для парня причинам. На вопросы «почему?» и «да что там такого секретного?» отмахивалась, хмуря

брови и отворачиваясь, кидая за спину фразы о том, что там грязно, и что вообще «пусть не лезет куда не надо». Такой запрет вкупе со строгим взглядом и тоном малость напрягали Антона. Но нельзя - значит нельзя, ну и ладно, не очень-то и хотелось.

С последних попыток пробраться в «тайник» прошло не так много времени, поэтому в ушах всё ещё звенел голос матери, навевая сомнения о правильности его действий.

«Может, и правда лучше не надо?» - отозвалось чувство волнения где-то около диафрагмы, когда Антон стоял уже в шаге от двери в кладовку. В ушах шумело. Но любопытство, дополненное вселенской скукой и отсутствием каких-либо идей занять себя чем-то, всё-таки забрало свою долю и взлетело выше всех укоров, неуверенных раздумий и нерешительности. Старая деревянная ручка повернулась вправо, и дверь с тихим скрипом медленно качнулась в сторону. Непроглядная темень и пыль окружили его с первым же шагом. Найти выключатель особой трудности не составило. Пространство наполнил тёплый, приглушённый, работающий на последних вздохах свет. «Особо не помогло» - подумал парень. И верно подмечено, конечно, видно стало хотя бы чуть-чуть, но всё же искать что-то интересное в полумраке, тоже такое себе занятие. Ладно свет, но вот пыль - это уже проблема. Она летела в глаза, в нос, оседала на волосы и одежду. Это уже было действительно неприятно. Вспомнились слова мамы, и Антон всё же признал некую правдивость в её упрёках.

Оглянувшись, он заметил множество самых разнообразных вещей вокруг. Было, кажется, всё: от потрёпанного временем, вероятно, не работавшего радиоприёмника, до различных драгоценностей и иностранных вещей, привезённых когда-то в подарок всё тем же дедом, который и подарил Антону большинство книг, томящихся сейчас на его полках.
Были ковры, яркое постельное бельё, посуда, и прочие бытовые вещи, но на фоне них выделялась одна вещь, которая сразу перевела всё внимание на себя. Книга лежала посередине пустующей полки, расположенной прямо в углу кладовой, поэтому на неё почти не падал свет, но яркий изумрудный краешек, который виднелся из-за тени, не мог не привлечь внимания такого книголюба, как Антон. На ней было нарисовано что-то, но в темноте ничего было не разобрать. Были видны лишь силуэты.
Схватив книгу, Антон бросился прочь из пыльной комнаты, так как оставаться дольше и рассматривать другие вещи у него уже не хватило бы терпения. Вывалившись из двери, и оставляя за собой слой пыльной дорожки, он стал брезгливо отряхиваться одной рукой, держа во второй находку.

Только злосчастная, какой уже казалась Антону дверь затворилась, он уже намеривался со спокойной душой идти к себе в комнату и исследовать новый материал, но тут звенящую тишину прервало звонкое клацанье ключа о замок. Родители с сестрой вернулись из города. Запрятав книгу за спину, Антон попытался натянуть улыбку, но в глазах читалось явное беспокойство и даже испуг (чувства у него всегда получалосьплохо скрывать).

В дом вошли родители, младшая сестра была с ними: у всех блестели глаза от счастья. Приятно. На секунду парню даже показалось, что его улыбка стала искренней.

- Здравствуй, Антоша, как ты тут без нас? Скучал хоть? - с лаской подала голос мама. Редко такое бывает, чтобы мама разговаривала таким тоном. Наверное, ей стоило больше отдыхать и проводить время с семьёй, а не утопать в работе и домашних делах каждый день.

- Конечно скучал, мам! Вон, он прям у порога стоял, нас ждал, а теперь встречает! - отозвалась маленькая Оля.

- И правда, - добавил папа, легонько похлопав девочку по плечу.

Пока все трое копошились у порога с пакетами и раздевались, Антон, не переставая прикрывать свои истинные чувства деланной улыбкой, решил, что пора бы как-то улизнуть к себе в комнату. С облегчением выдохнув и как следует заперев дверь, он скатился на пол с книгой, потирая глаза и ёрзая на полу в попытках усесться поудобнее.

Только сейчас он смог разглядеть обложку книги, украшенную фотографиями драгоценных камней. Они были разных размеров, цветов и формы. Зрелище довольно завораживающее. Посередине обложки расположилось название: «Природа минеральных камней» - крупный белый шрифтконтрастом бросался в глаза. Чуть ниже, всё тем же цветом, но уже более тонко и мелко было подписано: «Их магические свойства». Довольно интригующе. Вот про природу Антон читать очень любил. Тут ещё и колдовство какое-то, но в такое он не верил, и ничего ворожить уж точно не собирался, а вот почитать про - вполне увлекательная затея.

Так, расположившись за столом, он прочитал пару страниц о месте и причинах происхождения минералов, и ещё пару о том, откуда возникли значения камней и как правильно их зачаровывать. Столько информации за несколько минут Антон не схватывал ещё ни разу.

Потупившись, он пару минут смотрел на одну строчку и понял, что буквы поплыли в разные стороны, а свет от настольной лампы уже саднил глаза. Запрятав в нижний шкафчик стола книгу, он резко поднялся со стула, и тут фоновая боль в спине снова напомнила о себе, а глаза заволокло тёмной пеленой. Вот опять. И вот снова.

В углу комнаты возле кровати застенчиво светил лёгким, еле ощущаемым светом ночник. Из открытого окна доносился всё ещё тёплый летний ветер, который, судя по осенним прогнозам, задержится в деревне ненадолго. Отдалённо слышалось сонное стрекотание сверчков. Клонило в дрёму. Зевая во весь рот, он положил очки на тумбочку и плюхнулся на кровать. Только голова коснулась подушки, как глаза закрылись, все навязчивые мысли о предстоящем дне сразу растворились, а сознание сковало глубоким непробудным сном.

И чего это он так устал? Подумать только! Ничего не делал же весь день?! Может быть, это нервное ожидание завтрашнего дня так измотало Антошку?

Глава 2
Весёлая намечается жизнь

Начало сентября - всегда ожидание чего-то нового, того же учебного года, к примеру. Но тёплая погода неистово льстила, отключала сознание и заставляла забыться. Лето всё ещё не покидало эти места. Ощущалось - телом. Чувствовалось - душой. Никак не получалось принять, а может и не хотелось принимать вовсе, но мысленно и душа, и тело оставались всё ещё где-то там - в жарком, по-детски счастливом июне.

Сон, как оказалось, действительно был «непробудный». Солнечные лучи лились ярким светом из окна и бегали зайчиками по лицу Антона, но он даже глазом не повёл. Из

глубокого сна его вырвали крики мамы, доносящиеся из кухни. Не до конца понимая, что вообще происходит, ослеплённый солнцем, он сощурился и встал с кровати. Было очень сложно прийти в себя после столь резкого пробуждения. Увидел размытое пятно перед глазами - настенные часы. Времени он, конечно, разглядеть не смог, минус шесть всё-таки. Нашарил на тумбочке очки и снова устремил свой взгляд на часы. Спросонок зрение ещё не успело сфокусироваться, и он так и не смог увидеть время, как в комнату внезапно ворвалась мама. Он вздрогнул. Она снова не по постучалась, а ведь он несколько раз просил её об этом. Ходит всегда тихо, даже несмотря на скрипучую лестницу, не ходит, а крадётся. Зато появляется за спиной очень неожиданно, действуя Антону на нервы.

Он зажмурился в ожидании уже знакомой, привычной ругани. Тишина. Стоп. Тишина?! Антон с недоверием открыл один глаз, а следом и второй. Как-то всё это странно: мама тепло улыбается и смотрит на него взглядом, полным нежности и любви, а вместо упрёков смирно стоит, опираясь о стену в дверном проёме.

Непонятно. Как это на него не обвалилось разом купа обвинений? Чего это с ней? Как-то совсем на неё не похоже. Но не успел Антон поразмыслить над ситуацией, как мама спокойным размеренным тоном сказала:

- Доброе утро, Антошенька, вставай давай, каша стынет.

Развернулась, уже собиралась спуститься вниз, но тут же добавила:

- И причешись обязательно, на домовёнка смахиваешь.

Немного ошарашенный происходящим, он завис где-то в пространстве, размышляя о насущном. «Всё же, почему она такая добрая сегодня? Как-то это подозрительно».Было в её поведении какое-то «затишье перед бурей», но времени думать об этом почти не оставалось, да и смысл?

Наконец-то получилось разглядеть время, как оказалось, было уже около одиннадцати тридцати, и на сборы оставалось всего тридцать минут. Эта новость дала стимул как можно скорее махать на прощание «птицам над головой» и собираться в школу.

Опаздывать в самый первый день как-то не хотелось, это же сразу пятно на репутации.

Наспех надев уже выглаженные брюки и рубашку, побежал на первый этаж есть остывшую кашу, на лестнице вспомнил про то, что нужно собрать все необходимые вещи в рюкзак и побежал обратно.

Бегая то туда, то сюда, совсем позабыл, зачем собирался и куда собирался. Придя в себя, через минуту спустился на первый этаж с рюкзаком в руках и прислушался: стояла тишина, только где-то вдалеке было слышно чьё-то неочевидное жужжание, наверное, мухи или стрекозы за окном.

На кухне было тихо: все уже ушли по своим делам.

До школы Антон бежал почти без приключений. Ну, «почти», на то оно и «почти». Найти дорогу в новом месте было непросто, ещё и с учётом того, что она петляла через густой лес. Пытался воссоздать в голове карту местности по памяти, вспоминая объяснения отца о том, где нужно идти прямо, где свернуть направо, а где налево. Совсем запутавшись в мыслях, решил действовать иначе. По методу «шестого чувства» или по-другому - «куда глаза глядят». Не самое лучшее решение в его жизни. Ну, а что ещё оставалось, когда до линейки – всего двадцать минут.

Как же было приятно видеть очертания этого серого здания, просто невероятно приятно! Ещё никогда Антон так не радовался виду школы, как сейчас.

С облегчением, шёпотом выдохнул:

- Ну наконец-то.

Весь запыхавшийся, с малиновыми, горящими от палящего дневного солнца щеками, он прильнул всем телом к чёрному тонкому ограждению, вцепившись в него. Внимательно стал искать глазами среди толпы «8 В» класс на площадке школьного двора. У каждого классного руководителя были в руках таблички с цифрой и буквой класса, поэтому Антон сразу увидел своих одноклассников.

Один из мальчиков, размахивая руками, что-то рассказывал с серьёзным видом, сплёвывая при этом почти через каждое слово. Его друзья громко хохотали, нагибаясь всем телом вперёд, держась за животы. При этом они то и дело похлопывали говорящего по плечу, показывая своё одобрение. Девочки стояли кучкой, перешептывались, изредка косились на парней, которые не обращали, казалось, на девчонок никакого внимания. В стороне от всех одиноко стояла худенькая девочка с огромными голубыми глазами. Она мяла подол юбки и испуганно поглядывала на одноклассников.

- Мда… - только и смог выдавить из себя Антон. Весёлая намечается жизнь!!!

Подходить к ним совсем не хотелось, но он заставил себя натянуть глупую улыбку и вошел во двор школы…

Белослудцева Кира, 8Б класс

В петле момента

Рассказ для серьёзного читателя

Пролог

Если бы время представилось сосудом, то непременно тем, что находится лишь на раннем этапе выдувания на стекольном заводе. Оно неприкосновенно для всех, кроме своего Создателя. Время течёт, прогибается мягко, прозрачно, пока Мастер не придаст ему нужную форму.

А какая же — нужная? Как же он её находит?

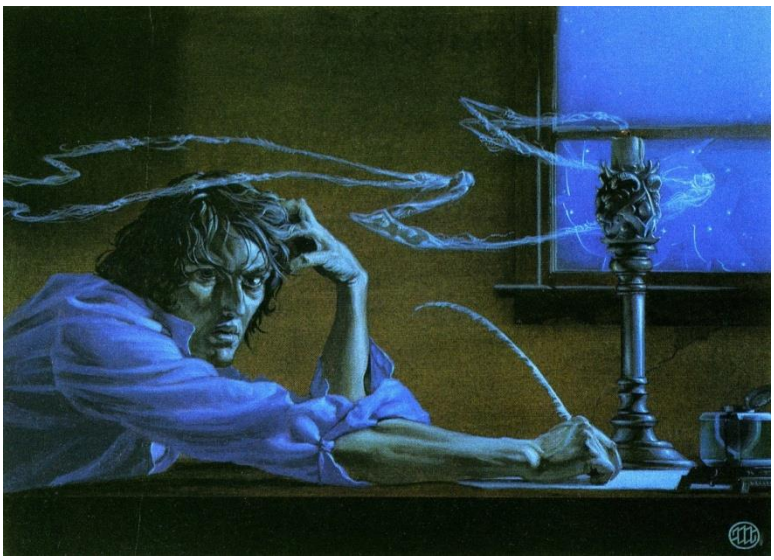
Путём проб и ошибок, конечно же. И ведь вот незадача! Создатель так увлёкся получением изящных форм из великолепно податливой материи, что и сам не заметил, как скрутил ее в грубый узел. Если бы он только представить мог, какие последствия за собой повлекут такие ненадёжные сосуды времени. Ведь все его частички смешаются, если и не вытекут. Безусловно, «Мастер-стеклодув» был очень неопытен, раз мог допустить такое. Он здесь сам себе и хозяин, и раб. Без малейшего укора совести, можно сказать, невинно, он продал этот сосуд, отпустил в вечность. Не учёл наш предприниматель одного - всем придётся из кувшина сего отпить. Всем, и даже Вам, дорогой читатель.

Глава 1

Муки потерь

Поле - раздолье русского. Кажется, словно природа в точности способна передать состояние человека. Безграничная, но молчаливо стрекочущая, как полуночные кузнечики, душа его также неспешно наливается цветом, как золотящиеся колосья пшеницы, уже готовые к сбору. Казалось, что поле бесконечно. Что, разбежавшись

получше, можно было совсем скрыться от лесных фигур прошлого. Убежать так далеко, что немудрено и имени своего не вспомнить. Но на это смелость нужна. Человек этот явно подолгу прячется в пёстрых островках леса, давая воспоминаниям его схватить.



И вот, он пробирается сквозь колосья по тоненькой вытоптанной тропинке. Осиновый огненный лесок, маячащий вдали, напомнил наконец герою, что вновь наступила осень. В цвет леса горели и его щёки, ещё шипящие от слёз.

Тёмная, мутноватая и несколько ссутуленная фигура героя контрастировала с чудесно-ярким осенним рассветом. На его потрёпанный шерстяной тулупчик то и дело падали ласкающие лучи рыжего солнца. Но эти попытки самой матушки Природы ободрить юношу им старательно отвергались — он лишь что-то бурчал себе под нос и натягивал старенький, невысокий, аккуратный цилиндр себе прямо на глаза. Откуда этот молодой человек достал антиквариат? Зачем? Кто смел продать такому юнцу? Или в карты выиграл?

Нет, отцовский он, памятный. Может, обрадуется старик его на небесах, когда увидит благородно скорбящего сына в своём горячо любимом ещё
при жизни котелке.

«Не позабыл про вас с матушкой Петруша, не позабыл ещё, нет, нет…» - уносилось вдаль отчаянное завывание.

Глава 2
Любви огонь

Такие люди, как Пётр Иванович, назывались в своих кругах попросту «потерянными». Чтобы понять, почему ему досталось такое пренебрежительное клеймо, мы вспомним, с чего всё начиналось.

Он не жил на широкую ногу, но имел всё, в чем только нуждался. Днём посещал институтские занятия, а вечером всё рвался в литературный клуб, а то и на званый ужин к какой-нибудь прехорошенькой дочурке генерала. Одним словом, дома Иван Васильевич и Лизавета Антоновна своего двадцатилетнего сынишку нечасто видали. Однако ж, нельзя сказать, что они в распрях вечных с ним находились. Наоборот, нежно любили своими старческими, млевшими сердцами, но оттого и обиду таили — не даёт ведь подивиться- то на себя! Ни слуху, ни духу — одно только «Au revoir, люблю вас!» — и быстрым шагом улетит по проспектам, «искать вдохновения».

И ведь находил! Какая благодать была слушать его поэмы! Дамы охали, краснели, а то и плакали, а почтенные господа восхищённо глядели, следили за каждым движением его и даже завистники на весьма скромном поклоне Петра просили: « encore, encore, monsieur !

» На семейных застольях бывал он редко, и настроением для блистательного чтения вслух он не располагал (а читать он мог исключительно великолепно, не позволяя себе ошибки) по несчастливой случайности, но всё же иногда маменьке удавалось его ласково упросить.
В один из таких вечеров на семейной даче он с горящими глазами прочёл своим родителям и тётушке Аглае, приехавшей из Москвы, свою новейшую, только что дописанную поэму в стихах. « In vitae » произвела необыкновенное действие на всех присутствующих. Иван Васильевич, худо одаренный эмоциями, и тот как-то необыкновенно скривил улыбку и потянулся в карман жилета за платочком. Во взгляде его читалась отцовская гордость. А его жёнушка словно просияла: её глазки-пуговки, широко поставленные на лице, сверкнули слёзками, и она принялась обнимать родное дитя. Аглая же словно не могла ничего разобрать из того, что только что услышала. Она ведь Петю-то помнит ещё мальчишкой, бойким таким, но застенчивым, вечно прячущимся за юбкой матери от всех посетителей дома. А сейчас — ба! Она увидела перед собой статного, словесноблагоразумного юношу с горящими глазами, которые, по ее мнению, точно пророчили успешное будущее месье.
«Жёнушку бы ему хорошенькую, да деловую такую», - хихикнула наконец тётушка, выходя из состояния минутного одеревенения.
«Что, сестрица? А, это хорошее дело, надо, да вот не торопится», — отец особенно был ироничен, будто язвенными булавками кто-то изничтожил его возвышенное чувство, витавшее доныне в комнате.
Пётр, не понимавший искренне, как с художественной его литературы все переплыло в невыносимо банальную тему брака, чуть омрачился, но внезапно вдохновился этим чувством и кое-что дописал дрожащим почерком в своей рукописи:
«Стоптал, в погоне за звездой, он пятки в кровь,
Но всё ж измученное сердце спалила не Фортуна, а любовь»
Он тут же вполголоса, будто стараясь не расколоть сокровенную мысль, прочитал строки публике, вовсю уже тараторящей о своём. Удивительно, но встретили его с одобряющим, но всё же глуповатым на фоне серьезного смысла изречений смехом.
За восхищениями и признаниями он не гнался, а, скорее, убегал от них, однако ж, был польщён и вплоть до поздней ночи просидел с родными, со смирённой улыбкой на лице.
И кто мог даже мысль допустить, что этот беззаботный вечерок станет последним подобным в доме Одаруевых?
Началось всё со спонтанного «побега» юноши. Ближе к полуночи хохот родни начал затихать, и вскоре всё семейство, даже бойкая и активная гостья-хохотушка, начало клевать носом прямо в свои тарелки. Но ночью в нашем поэте просыпалась неслыханная возбуждённость, иногда даже сумасшествие. В лучших случаях это заканчивалось новыми произведениями, а в худших — вам даже тяжело было бы представить, если бы вы видели это странное, волнительно-вдохновленное, но при этом словно гипсовое лицо. И в этот вечер Пётр, сидящий, словно статуя, вдруг дрогнул от гениальности (как ему тогда казалось) собственной мысли и, лишь немного шоркнув скатертью, выскользнул из родной усадьбочки.
Перед ним пустота. Русское поле. Манящая неведомая сила призывала его тонуть во мраке летней прохладной ночи. Ближайший домик — в километре отсюда, стоит на той же линии дороги, что и потомственное имение Одаруевых. В голову юноши не закралось даже крохотной мысли о дурости своих импульсивных действий. Он направился в сторону того дома, беспокойно пошатываясь и постепенно переходя на бег. Там в летнее

время проживало семейство Звёздкиных — те самые «генеральские», к которым так часто наведывался в городе по вечерам Пётр Иванович. Хоть и был он повесой, но всё же входил в доверие к этим людям не просто так, а с определённой целью.

«Цель» эта — единственная генеральская дочь, которую мы уже упоминали мимолётно выше. Марья Алексеевна действительно была очень недурна собой, привлекала многие взгляды знатных и богатых людей светского общества. Однако же ей удосужилось влюбиться в человека, полного противоречий — Петра.

И вот, всего через полчаса, он стоял прямо у невысокого, деревянного, тёмно-смолистого цвета заборчика, украшенного искусной резьбой, различимой лишь на ощупь в темноте лесистого участка. Преодолеть его не составило никакого труда, также, как и прошмыгнуть лёгким бризом сквозь грядки и сады фруктовых ароматных деревьев. Озорной мальчишка, совсем разыгравшийся в Петруше, прыгнул вдруг до самых высоких ветвей айвового деревца и, сильно его расшатав, даже чуть не вырвав этим безумным порывом, сорвал пару фруктов — для себя и своей amoureuse — и осторожно сунул их в свою потрёпанную наплечную сумку, уже практически приросшую к нему. Отогнав от себя ту излишнюю беспечность, он с облачной лёгкостью взошёл на веранду, устремился вглубь, разок лишь скрипнув досчатым стареньким полом, и, наконец, нашёл мутноватое окошко, ведущее в комнатку Мареньки. Три чуть слышных, сторожливых стука донеслись чётко до ушек спящей девушки, закутанных в одеяло, закрались к ней в самое сердечко и заставили как по команде плавно встать с кровати и, ещё не осознав спросонок, какой авантюрный план продумал её возлюбленный для них лишь двоих, по-кошачьи вкрадчиво открыть окно.

Слов не потребовалось. Петя осторожно распахнул уже приоткрытое окошко и, сделав манящий жест рукой, протянул её мадемуазели. Таинственно улыбнувшись, Марья, кажется, сиюминутно поняла, что от неё требуется. Оставалось повиноваться этим спонтанным желаниям.

Чуть неуклюже и глуповато, однако от этого не менее прелестно, она выбралась через окошко и оказалась на свежем, прохладном воздухе в объятиях Петра. За ней из спальни, тускло ещё освещённой не догоревшей лучиной, потянулся свежий запах дамских пряных духов, спёкшегося фитилька свечи, какой-то старинной книжонки, раскрытой на письменном столе. Этот чудный вихрь захватил юношу с головой и опьянил побольше выпитого на семейном застолье бокальчика шампанского.

Из отцовского тёплого дома он повёл Марию Алексеевну по узеньким протоптанным тропинкам, а затем и по никому неизвестным далям — куда глаза глядят. Она, бесконечно ветреная, доверялась ему полностью. Встреча эта была полна только что выдуманных стишков, смеха, пустых, но влюблённых взглядов и невероятной скрытности. Казалось, они убегали от чего-то неизбежного, прятались ото всех, даже от самой природы, уносясь всё дальше, следуя за вьющимся в небо столбцами дыма от затопленных печей чужих деревенек.

Вскоре Машенька пожаловалась на «зябь в плечах», и Пётр, как благовоспитанный мужчина, без промедлений, почти даже машинально снял с себя тёмно-зелёный сюртучишко и покорно надел на бледную в свете луны, но оттого и прелестную девушку.

В одно мгновение воцарилось пред ним неясное видение — белое, чересчур пышное платье, всюду покрытое бесконечным количеством складочек какой-то полупрозрачной сетчато-миражной ткани (точно какое было у маменьки), залито оранжевым, немного колышущимся светом. Петя проморгался, чтобы отогнать от себя хмельную иллюзию, но

наткнулся на подобную предыдущей — изящный крохотный серебрёный портбукет с ножкой из слоновой кости своими лепесточками осторожно придерживает букетик полевых цветов, так явственно пахнущих мёдом.
Вдохновенные образы показались Петру лишь одним из приступов разыгравшегося воображения, так часто происходивших с поэтами. Но что-то здесь точно было неладно — внутренняя тревога резко сдавила каменной силой грудь юноши. Лишь нервно обернувшись в сторону своего дома, он заметил странное ярко-красное свечение. Чуть небрежно отодвинув Марью, идущую всегда чуть сзади, со своего пути, он с ужасом разглядел в этом свете пожар. Сзади послышались вскрики: «Дурак, мерещится!», «Бредишь», «Не добежишь, постой, Петенька!» В самом деле, эхо еле доносилось до ушей героя, отзвуком преследуя его собственные мысли. Он мчался безумно и чувствовал, что произошла беда, что теперь уж ему поздно возвращаться на помощь. Пётр мог даже продолжить гулять со своей возлюбленной, но он вдруг, в этом безудержном беге, осознал, как же ему неприятно о ней думать после непрекращающихся разговоров о женитьбе, после заключающих его поэму блистательных, правдивых слов. И сейчас Марья Алексеевна только подпитывала растущее к ней чувство ненависти своим глупым звонким смехом, доносившемся, казалось, отовсюду. Она всё ещё думала, что Петя с ней дурачился.
А Пётр Иванович, совсем обессилев от сумасшедшей погони невесть за чем (или, скорее, от побега от собственных дурманящих мыслей), упал на шелковистую, словно персидский ковёр в гостиной их маленького домика, сейчас наверняка пожираемого пламенем, траву. Голова налилась свинцом, руки вцепились в зелёные копны. О, как был бы он рад закричать — грудная клетка уже вздыбилась над землёй, жадно набрав воздуха и готовясь его выпустить в животном крике, но голоса уже не было. Стресс взял своё.
Марья, ужасно испугавшись приступа своего возлюбленного, принялась бежать в сторону своей усадьбы. Наверняка она уже была предупреждена рассказами маменьки и приметила, будто Петенька может навредить ей.
Наш герой этого побега уже не заметил. Не встал, не побежал вслед. Не захотел знать, что происходит вокруг него, захотел лишь позабыть это, как старый солдат хочет забыть ужасы войны.

Глава 3
Кривые толки

- Да что ж? Кто бы мог только подумать!
- Вот, представляете... Душенька, я за 50 лет своей жизни в этом уезде ни разу не видала подобного!
- Ну и что, что ж там? Что случилось?
- Помните ли вы Лизавету Антоновну? Пампушку такую? Представляете, покойница!
- Ка-а-ак? Царствие ей Небесное! Господи, Боже мой, помилуй! Такая добропорядочная была женщина, улыбчивая, здоровалась со мной каждое утро. Она меня к себе на ужин даже звала, помню. Но чтобы такое случилось, - невероятно. А что же она? Кондрашка хватил?
- Да нет, представляешь, никогда не слыхивала, чтобы такое происходило...

Платье вспыхнуло от свечи! Мне вот Василий Игнатич рассказал всё, он ведь первый прибежал на сумасшедшие крики. Говорит: "Ужасное зрелище это было, говорит, всю ночь не мог уснуть. И руки у неё ужасно дрожали, и искала она всё кого-то, да никак не могла докричаться.
- А что домашние, разве не помогли?
- Да Иван Васильевич за водой кинулся, но будто сквозь землю провалился. Может, в колодец упал. А тётушка эта приезжая, говорят, выбежала в горячке и смогла лишь только позвать на помощь. Да от её криков все петухи у меня во дворе попадали!
- А я то думаю, что это за дикий зверь кричит всю ночь. Ах, бедняжка!
- Ещё Василий Игнатич говорил, мол, как жар-птица в клетке своей догорела, - из кринолина не выбралась бедняжка. Ах, какое поэтическое сравнение! Всегда ему говорила, - стихоплётом становись.
- Между делом, что там с поэтишкой местным, с сыном ихним?

Глава 4
Ласточкин полёт

Вопрос был актуален и по сей день. «Что же с вами стало, Пётр Иваныч?» – спросили бы и вы, если бы знавали его хорошо года два тому назад, ещё до всех жутких событий. Сейчас он будто пропал, даже для самого себя. Что уж говорить обо всех знакомых – с ними связи практически оборвались, хоть и пересекались они иногда на улицах или в университетах. Перекидывались парочкой серых словечек – и на этом всё. Конечно, иногда особенно заботливым и преданным товарищам удавалось его разговорить. Казалось даже, что всем это «покаяние блудного сына» шло на пользу, но почему-то на следующее же утро он стыдился всех своих горячих и отчаянных слов, слетевших с хмельного языка, и дальше играл в «кошки-мышки», слоняясь от улицы к улице, лишь бы не попасться им на глаза.
Спустя ровно два года он снова тут. На том самом месте, где начались его страдания. Осознания самого себя, потеря времени, потеря как прошлого, так и, казалось, будущего.
Два бесконечно тянущихся года — всё, что окружало его. Только время, и ничего более.
Душевная пустота поминутно выжимала его грудную клетку всё сильнее.
«Что это? Давленье внутреннее ли? Не вспомню сейчас, право, точно, что это… Батюшки, я ведь совсем забросил институтские свои дела..!»
Подобные светлые мысли задерживались в его голове однако ненадолго. Его рассредоточенность была ничем иным, как побочным эффектом от затворничества.
Таким же образом он и не заметил, что до кладбища оставалось идти четверть часа. Дыхание Пети чуть участилось, руки вспотели, неся две несчастные, сиротские гвоздики. Каждый раз будто кинжалом протыкало сердце — вот что значит здесь находиться, но его всё сильнее тянуло к родным, давно уже спящим под землёй. Ходить на кладбище было для него необыкновенно опасно, все знакомые это отлично понимали после одного случая, когда Пётр пробыл около холодных осенних могилок более даже, чем полдня, без еды и воды, а когда его бросились искать прежние друзья, которым он даже сейчас был неравнодушен, нашли они его только через пару часов, сидящим на размокшей деревянной лавочке меж двух мраморных холодных плит на пропитанной влагой земле, с красными опухшими глазами, чуть бредящим в полусне. Наши безымянные герои потом неделю напролёт лечили лихорадку Одаруева и, осознав, насколько это сложно — ставить

бесповоротно отчаявшегося на ноги — заклялись впредь предостерегать его от подобных самоотречений.
Но теперь он шёл с таким же, как ранее, намерением провести на кладбище невозможно долгое количество времени, раскаиваясь и стараясь, наверное, услышать родной, чётко отпечатавшийся в самом подсознании звонкий голос его матери, скривившийся в смехе от очередного юмореска-стихотворения Пети, или же чеканный отцовский совет — пережитки генеральствования. Именно. Нужен был лишь совет, именно от них. Как быть? Пытаться?
В действительности он сказал это вслух — отчаянно, почти неслышимо для других живых существ, кроме него самого и расплывшихся на горизонте берёз. Такое часто случается с особенно запутанными в себе людьми. Кто-то объясняет такие порывы «криков в пустоту» желанием (пусть даже неосознанным) быть услышанными.
И ведь услышали, будто даже ответили. Что-то в небе гулко, будто бы замедленно свистнуло. Отвлечённый чрезвычайно неуважительной причиной от своих совершенно спутанных и неразборчивых, но глубочайших раздумий, Пётр Одаруев потёр припухшие серые глаза, режущие небо своим пытливым взглядом, и заметно поморщился — прерывание монолога непростительно!
Но мысль эта точно шла текла гораздо медленнее, чем все события вокруг юного Пети. Там, в серых низких облаках, ласточка, пикировавшая все ближе и стремительнее, блестела серебром — пёрышки начали ежесекундно белеть. Рассекая треугольными кинжалами-крылышками серовато-розовую небесную гладь, она точно оставляла за собой всю смолисто-текучую чёрную краску в виде тоненьких и отменно ровных полосочек.
Петю зашатало, словно на палубе корабля отважнных путешественников, теряющих последние секунды своей жизни в морском шторме, о которых он так много читал в великолепной «Библиотеке приключений», подаренной давным давно ему отцом. Вспышка света, ещё один короткий, чуть слышимый треск где-то над головой, который ласточки точно не могли издавать.
Земля под героем словно поплыла, а затем глухо отдающимся в гудящей голове звуком ознаменовала падение Одаруева куда-то вниз. Пространство ли это было? Нам доподлинно неизвестно, как и Петру — глаза будто заслонились серебристо-чёрной шторкой занавеса, умело вытканной в небе птичкой. И пять мгновений спустя под ним не было ни травы, ни белеющей пустоты, лишь что-то жёсткое, каменное — как он нащупал своими бешено шарящими по поверхности все это время ладонями. Глаза по-прежнему не могли чётко видеть, в них по-прежнему танцевали польку разноцветные кружки, как бывает при сильном ударе головой. Зато заострённые ушки чётко слышали адский гул вокруг — тысячи голосов мешались с грохотом сразу же сотни мельничных механизмов, рокотом колёс повозок и обвалом камней с неведомо откуда взявшейся горы: **«Я точно в бреду».**

Поцелуй свежего ветерка откуда-то сбоку словно вдохнул в Петра Ивановича жизненные силы, и он наконец смог приоткрыть глаза. На удивление, картина осталась та же — беленькая крохотная вспышка на каких-то чёрных, развешанных, словно белье, полосах. Жужжание и дребезг осиного роя, которые издала эта крохотная точечка, поскакавшая уже далеко-далеко по своим путям-рельсам, жутко напугали Петеньку. Он подскочил с неопознанной ещё им поверхности и, безуспешно пытаясь найти равновесие, свалился на широченную березу, разгоряченно обнимая её руками. Как иронично это вышло, не так

ли? В годовщину того дня, когда он потерял свои моральные опоры, пропали и физические. Однако, должны же они скоро вернуться? Нужно же пытаться? Кусочек надежды застрял в его сердце и не собирался никуда выходить, даже под раскалёнными щипцами страданий.

Представляем вашему вниманию рассказы о незаметной жизни неживых вещей. Попробуйте не удивиться…

Саитова Амалия , 8А класс

Войдите в их положение…

Рассказ

Вы принимаете титаническую и изматывающую работу пары ботинок за должное? Нет. Ведь у них одна обязанность и только, что трудного? Но войдите в их положение! Изо дня в день одно дело: несчастные ботинки, пока солнце не встало, насильно натягивают и принуждают пробегать целые олимпийские марафоны под сносящий ветер, подошву дерет галька, шнурки хлещут по ткани, а уж если кошмарно не повезет с погодой, то пробежка по обнимающим до самых шнурков лужам и склизкой, хлюпающей траве обеспечит позорный вечерний прогрев под старой батареей.

Помимо жестоких испытаний на выносливость, ботинки терпеть не могут чистку жесткой щеткой. Такие моменты навевают воспоминания, не вызывающие ничего, кроме дрожи в носках ботинок, о случае, когда их чуть было не убили! Без шуток, почти расчленили! И после того, как тщательно вычищенные шнурки и стельки вернули на место, ботинки зареклись не вспоминать о произошедшем. Но бедные, бедные ботинки, по воскресеньям шум воды за дверью непременно приводит их в первобытный ужас. И в один из дней чистки они решили, что такое терпеть не намереваются. Разумеется, владелец ботинок заметил, что теперь это не самая удобная пара обуви. Если раньше те только лишь неприятно натирали пятку даже при утреннем походе за хлебом через улицу от дома (Вы

не ослышались, никаких марафонов), то теперь шнурки вязались самыми изощренными узлами сами по себе, ткань не держала тепло и подошва пропускала каждый камешек. Не мудрено, что вскоре ботинки заменили на новую блестящую пару.

Салмина Александра, 8Б класс

Шанс на новую жизнь

Рассказ

Некоторые считают, что вещи не могут жить своей жизнью, а кто-то с этим не согласен, ведь наверняка с каждым из нас происходило что-то мистическое, выходящее за рамки обычной действительности. Вот и я сначала сомневался, бывало, даже посмеивался над людьми, уверенными в том, что у вещи может быть своя, совсем неизвестная человеку жизнь. Но однажды со мной произошла странная история, я даже думал, что сошел с ума, я обману вас, если скажу сейчас, что больше так не считаю, возможно, мне самое место в психушке, но сейчас я хочу поведать вам ту самую историю.

Был обычный, ничем не отличающийся от остальных вечер, дни для меня в принципе ничем не отличались друг от друга: каждый день одно и то же (работа и сон, и так по кругу). Но иногда я разбавлял это однообразие тоской по прошлому, по школьному времени, когда все было просто и по- детски, когда я жил, уверяя себя, что достигну всех своих целей, когда руки еще не опустились. В такие вечера я рассматривал свой школьный альбом, галерею в телефоне и перечитывал личный дневник в записной книжке, полностью погружаясь в то беззаботное время. Этот вечер я тоже посвятил своему прошлому. На часах пробило полночь, я понял, что засиделся. Положив альбом с записной книжкой на тумбу, рядом с кроватью, я выключил свет и лег спать. Мне снилось 1 сентября. Во сне я был счастлив в окружении друзей- одноклассников, которые почти каждый вечер улыбались мне с фотографий школьного альбома.

Но проснулся я вымотанным, совсем опустошенным, было такое ощущение, что вообще не спал. Первым делом я взял телефон и понял, что чего-то не хватает. На тумбе не было ни альбома с фотографиями, ни личного дневника. Я очень удивился, ведь жил совсем один, и взять мои вещи никто не мог, к тому же я точно помню, что положил их именно на тумбочку. Весь день я провел в поисках потерянных вещей: перебирал вещи во всех шкафах и шкафчиках, двигал мебель, поднимал ковёр, оползал всю квартиру на четвереньках, проверил мусорное ведро и все камеры холодильника! К вечеру я поверил в домового и попросил его вернуть вещи. Вслух. Очень громко и настойчиво. Я лег спать с надеждой, что утром вещи вернутся. Но утром ничего не произошло, и я был зол, на себя, на весь мир, на домового и на собственную, как мне казалось, никчёмную, жизнь.

Прошла неделя, а вещи я так и не нашёл…Тогда я начал задумываться о том, что исчезновение вещей – это знак, что мне пора отпустить свое прошлое и заняться будущим. После пропажи вещей ко мне постепенно стал возвращаться прежний интерес к работе, сами по себе выстраивались жизненные планы, у меня появилась цель. Совпадение ли то, что всё это случилось после пропажи вещей, напоминающих мне о прошлом, я не знаю. Но я ощущал всей кожей, что начал жить с чистого листа.

Чем же закончилась вся эта история? Пропажу я так и не нашел, да и не искал, уже не видел в этом надобности. На душе появилось облегчение, и сейчас, в особо скучные вечера, я вспоминаю этот случай с усмешкой и с благодарностью судьбе, что дала мне еще шанс, ведь по-другому это никак нельзя назвать.

Белослудцева Кира, 8Б класс

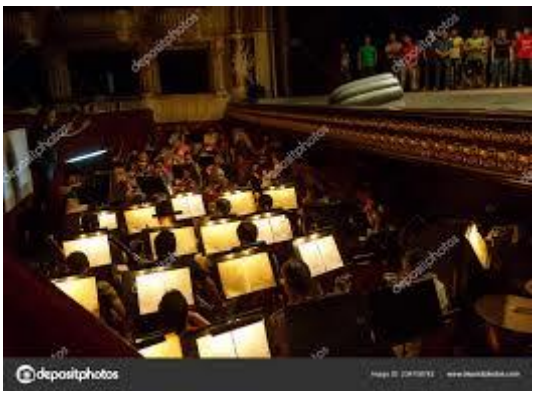
Оркестровое колечко

Рассказ

Довелось мне однажды присутствовать на гастрольной генеральной репетиции балета, в день показа. Дело в том, дорогой читатель, что хороших друзей нужно иметь – мой давний приятель был постановщиком у этой труппы, вот и я, охотник «прикоснуться к искусству», напросился быть первым, «черновым» зрителем.

Но было это так давно, что я совсем ничего уже и не вспомнил бы про тот знойный, как сотни предшествующих ему, июльский день, если бы не моё «оркестровое» колечко, как я его ласково называю.

У этого балета был собственный оркестр, уютно расположившийся в яме, специально открытой в актовом зале для него одного. Обычно это помещение под сценой использовали для хранения ненужных декораций, арматур, балок и прочего строительного хлама. Но сейчас его безупречно расчистили и сотворили из дачного подвальчика небольшой, но тёплый, весь пропахший свежеопиленной древесиной храм музыки. Ещё заходя в пустующий зал и занимая место рядом со своим другом-режиссёром, я почему-то был очарован этой комнатушкой и тихой вознёй музыкантов в ней, больше похожей на шум стаи воробьёв, хохлящихся и ищущих себе место на веточках-жёрдочках. Как наивный ребёнок, я робко заглядывал внутрь и рассматривал макушки голов музыкантов, беспокойно движущиеся из стороны в сторону. Кто-то повторял свои партии, кто-то бережно расставлял ноты на пюпитре. Выше всех взметнулись головы дирижёра, взобравшегося на свой небольшой постамент, и первой скрипки, стоявшей подле него. Это был высокий мужчина, молодой и опрятный на вид. Он только нервно постукивал по своему инструменту, ожидая начала репетиции. Мне всегда было интересно, что же стоит за внешне строгими оболочками музыкантов в выглаженных костюмчиках. Сколько волнений они испытывают, даже перед репетицией: каплю или море? Как долго шли к званию «первой скрипки» всего оркестра? Узнать это можно – я точно знал – лишь услышав и осознав игру мастеров на своих инструментах.



Но вот друг меня одёрнул – пора было репетировать. Он сказал пару обобщённых пожеланий и скомандовал начинать. Играли «Лебединое озеро» Чайковского. Несмотря на мою огромную любовь к этому балету, в воспоминаниях у меня сохранились только неоднородно смешанные в один номер грациозные порхания балерин в своих воздушных рифлёных пачках всевозможных пастельных цветов. Я, наверняка, слишком увлечён был выступлением других участников постановки, беспощадно скрытых под полом, чтобы запомнить что-нибудь, кроме тревожащих душу мелодий скрипок, фортепиано, виолончелей… Помню, как в середине репетиции уже подкрался совсем близко к местечку музыкантов, желая расслышать голосок даже самых невзрачных перкуссионных инструментов. «Лицо» оркестра я не видел – из ямы только время от времени выскакивала палочка дирижёра, трясущаяся вместе со скрипящим полом актового помещения. В эти напряжённые моменты балета меня чрезвычайно волновал звук скрипки, первой скрипки. Вы только вдумайтесь! Неживой, пустой деревянный инструмент в руках мастера точно оживал! Да, скрипка говорила со мной, точнее не только она, а в один голос с ней тот, кто её держал. Кроткий корпус со смычком безупречно пересказали мне эту трагичную историю. Я слышал её тысячу раз, но каждый из них был уникален. А сейчас скрипач, казалось, совсем слил свои мысли и переживания с музыкой Чайковского. Юноша, сокровенно дорожа этим чувством, пропустил его сквозь себя и донёс тайну творчества до своего внимательного слушателя. Всё как я и говорил – понять уклад души истинного музыканта, преданного своему делу, можно по его исполнению мелодий, пусть даже совсем разных – почерк автора никак не скроешь. Это необыкновенное ощущение «понимания» проходилось по мне неспешно, вызывая мурашки и учащая сердечные сокращения. Восхищение игрой музыканта не на шутку взволновало меня, да так, что руки начали потеть и нервно перекручивать и переодевать с пальца на палец тоненькое серебристое кольцо – нечто вроде семейной реликвии, приносящей мне удачу, по старым суевериям. Одно неуклюжее движение, скользь! и плетёное колечко летит куда-то далеко от меня, вниз, в оркестровую яму, а затем, прокатившись кокетливо по досочкам, соскакивает в пустоту.

Его побег, как ни странно, совпал с последней нотой балета. Нет, не может быть! Кольцо точно всё подстроило специально! Но как оно могло так меня подставить? Это непростительно! Выставляет хозяина полнейшим дураком, растяпой! Врывается в храм музыки!

Мои безмолвные возмущения и беспокойные попытки отыскать колечко и в партере, под сидениями, и внизу, в яме, заметил оркестр. Серьёзные женщины и мужчины заметно повеселели, глядя на эти точно карикатурные переживания, пока полюбившийся мне скрипач рассматривал наглого беглеца в приглушённом свете старых прожекторов. Как глупо всё вышло! Колечко приземлилось ему прямо на идеально лакированный ботинок. Лучезарно улыбаясь, он приподнялся из ямки и бережно передал мне, раскрасневшемуся от всей абсурдности ситуации, своими тонкими, «музыкальными» пальцами кольцо со словами: «Должно быть, ваше, ко мне убежало».

Вспоминая эту нелепую ситуацию, я чувствую, что мне всегда становится теплее, даже если на дворе снежная едкая буря. Всё потому, что я отчётливо записал у себя в памяти то невероятное преображение себя, хмурого юноши, в светлое вдохновение во плоти. Ах, музыка, что же ты делаешь с людьми!

И сейчас, читатель мой, я уже совсем не сержусь на своё «оркестровое» кольцо. Я наконец понял, что, будь я на его месте, то непременно попытался бы тоже навсегда затеряться в оркестровой яме – волшебной кафедре, с которой искусные музыканты-профессора и по сей день учат слушателя любить жизнь и восторгаться настоящим искусством!

Творческий дебют

Вероника Зобнина, 5Б класс

Осенний вечер

Рассказ

Теодор Клиффорд правда любил свою работу. Она стоила того, чтобы год как проклятому готовиться к вступительным экзаменам по предметам, которые он совершенно не знал из-за лени и всего того ужаса, что происходило с ним в школьные годы. Но с помощью множества репетиторов и искреннего желания победил биологию и химию, поступив на ветеринара.

Сразу после учебы Теодор проработал в государственной ветеринарной клинике, по большей части ассистируя. За это время он набрался опыта, попривык и окончательно убедился, что это все для него. Он нашел свое место.

Клиффорд не любил разбрасываться деньгами, хоть их у него и было действительно много, но денег на открытие собственной клиники не пожалел. Он хотел сделать это место лучшим для животных и их ответственных, заботливых хозяев. Благодаря известности и репутации, он довольно быстро смог набрать лучшую команду ветеринаров.

Он жил работой. Своих питомцев у него не было: человек, загружающий себя огромным количеством работы, не мог уделять достаточно внимания своему маленькому другу. Но часто, когда он лежал после долгой смены в холодной постели в огромном пустом поместье, от остроты собственного одиночества у Тео сдавливало грудь.

За четыре года работы Клиффорд видел действительно многое. Он брался за самые запущенные случаи, порой совершая, казалось бы, невозможное. Однако Теодор не был всесилен. Он как никто другой знал, что такое смерть. Он сталкивался с ней лицом к лицу и целых три раза пожал ее холодную костлявую руку. Поэтому прекрасно знал, что смерть - неравный противник: даже если вдруг ты победишь в одном бою, она все равно выиграет войну. И это то, что Теодор Клиффорд искренне ненавидел в своей работе.

Осенний вечер. Это была, казалось бы, обычная смена. Клиффорд как всегда пришел раньше всех, долго разгребал бумаги, поздоровался с улыбчивой Дэйси и попросил ее напомнить Джеку про поставки лекарства. Все, кроме их уборщицы Луизы и задержавшегося Джека, уже разошлись по домам. Клиника работала в ночную смену: вот-вот должны были прийти другие работники. Теодор задержался, сидя в приемной и помечая в блокноте, какие лекарства нужно еще докупить. Он устал и был голоден, но

просто ненавидел бросать дела незаконченными. Стоило ветеринару довольно выдохнуть, захлопнуть блокнот и слегка качнуть головой, прогоняя усталость, как в дверь робко постучали. « - Войдите!» - крикнул Клиффорд, ожидая увидеть кого-нибудь из тех, кто пришел работать в ночную смену.

Светловолосая девушка прикрыла за собой дверь и неуверенно топталась у входа, держа в руках худого старого кота, выглядевшего очень болезненно. « - Мистер, » - глухо сказала она, бережно прижимая питомца к груди. « Можете сейчас принять нас? Пожалуйста».

« - Я…да, разумеется» - немного растерянно сказал ветеринар. « - Вы на осмотр?» Девушка подошла ближе, остановившись у ветеринарного стола. Кот все также покорно лежал в ее объятиях. «- Ронни плохо. Но мы не на осмотр, мы…Я пришла, чтобы вы помогли нам …Безболезненно уйти…»

Юноша почувствовал, как сердце с силой ударило в ребра и провалилось куда-то вниз. Почувствовал, как похолодели руки и стало пусто в груди. « - Что с ним?» - с трудом выдавил он, подходя ближе к девушке и осматривая кота, что выглядел совершенно измученным.

« У него последняя стадия рака желудка, ему очень больно. Я обошла всех, кого можно. Никто не может помочь. Мне сказали больше не мучить его, но я не…Я…» - голос девушки дрожал, буквально звенел от слез, которыми уже заполнились ее глаза. « - Я не могла, но сегодня у него не получалось даже пить, я…» - девушка громко всхлипнула, пытаясь держать глаза широко открытыми, но крупные слезы все равно сорвались вниз, тут же теряясь в рыжей шерстке Ронни. « - Я пришла, пока еще могу заставить себя это сделать». Теодор с трудом проглотил ком в горле, чувства, что и сам вот-вот заплачет. « - Конечно. Присядь с ним сюда. Я сейчас найду раствор». – Клиффорд указал на диванчик возле стола.

Ветеринар неторопливо подошел к полкам и на несколько мгновений поднял лицо, глядя на потолок и отчаянно пытаясь загнать слезы обратно. Специально долго роясь в полках, он нашел нужный пузырек. Одна капля этого раствора - и ваш любимец без боли уснет, чтобы бежать навстречу заоблачному миру. Врач присел рядом с хозяйкой пушистого. « - Ему не будет больно», - сказал Теодор тихо. «Это главное», - тяжело выдохнула девушка.

Кот открыл свои ярко-голубые глаза, уставившись полным понимания взглядом на хозяйку « Я люблю тебя.», - со всей искренностью и болью выдавила девушка, роняя слезы на пушистый живот. Повернув голову, глядя на ветеринара красными, полными слез глазами: « Ну же…»

Теодор молча кивнул и убрал руку, лежавшую на мягкой шерстке животного, чтобы открыть раствор. Набирая капельку в пипетку, ветеринар заметил, что впервые за долгие годы у него дрожат руки. Тео с тяжелым сердцем погладил Ронни по голове и при помощи пипетки дал измученному животному раствор.

Плач хозяйки пушистого превратился в рыдания в тот момент, когда дыхание кота навсегда стихло…

Насладимся красотой…

Рарыцкая Екатерина, 8Б класс

Райское наслаждение

Отрывок из рассказа

Часы уже показывали 22:34, когда Лада решила выйти во внутренний двор замка, за которым ухаживали несколько садовников. Это был небольшой лес, плавно переходящий в настоящий, высаженный природой бор.

Девушка уже успела переодеться в домашнюю пижаму, но на улице было тепло, даже ночью, что Лада решила идти прямо так. Захватив с собой старый пленочный фотоаппарат, девушка выдвинулась в сторону сада, по пути оценивая проделанную персоналом работу и фотографируя цветы, кусты и деревья с красивых ракурсов.

Зайдя в искусственный лес, она немного прошлась по вымощенной камнями тропинке, иногда останавливаясь и присаживаясь на корточки, чтобы разглядеть понравившийся, а после уже зашла в бор, прежде открыв железную калитку в стиле «прованс», напоминающую ту же, что была у каждого в деревне у бабули. Лада шла каменной аркой, которую лозой окутали нежные, живые цветы.

Широколиственный лес встретил девушку канонадой звуков: сверчки, устроившие концерт посреди ночи, развлекались на празднике и еще сильнее застрекотали, встречая хозяйку бора. Ветки деревьев шептались под порывами ветра, пытаясь дотянуться до соседних листочков, передавая им последние, самые свежие новости лесного мира. Родничок, стекающий с небольшого каменного холмика, журчал, подключаясь к празднеству сверчков, исполняя свою собственную партию в их песне. Все бабочки, кроме одной, мирно спали под листьями деревьев, скрываясь от возможного дождя и резких порывов ветра. Одна единственная бабочка, которую Лада знала еще с самых малых лет, почему-то не спала, сев на вытянутую руку девушки. «Грета ото», известная как «стеклянная бабочка». Неимоверной красоты насекомое с прозрачными, словно стекло, крыльями, летало по лесу, выискивая себе безопасное место для ночлега, и, только-только сев на пальцы Лады, вспорхнуло, затерявшись на фоне живого навеса из веток деревьев, сквозь которые просачивался тусклый лунный свет, указывающий путь для девушки.

Лада посчитала кощунством ходить по мягчайшему мху в домашних тапочках, поэтому, скинув их и оставив где-то под деревом, босыми ногами пошла по теплой, прогретой самой Весной траве.

Через пару минут умиротворенной ходьбы по лесу и райского наслаждения девушка забрела на поляну, усыпанную мягкими, маленькими зелеными огонечками, разрезающими воздух крыльями. Светлячки…Будь Лада ребенком, она бы бросилась внутрь этой светящейся тучки, но сейчас просто села рядом, наблюдая за тем, как малюсенькие звездочки, спустившиеся с небес, переплетаются между собой, резвятся и беззвучно переговариваются, собираясь встретить завтрашний день.

От накатившей волной усталости девушка прятаться не стала и, поддавшись желанию поспать среди волшебных растений насекомых, легла на бок, свернувшись калачиком. И до полного погружения в царство Морфея наблюдала за природой…

Ждем от гимназических авторов новых интересных произведений!

Желаем летнего вдохновения!!!